

ЧАСТЬ

9

в этой части...

Возрождение возможно
Небольшое отступление. Трагедия
Послушание
Что мешает послушанию?
Не «амвонная» любовь
О любви Христовой
Наш Старец

Возрождение возможно

Надо сформировать себя, встать на духовный путь, но без трудов души и тела «око духа» не откроется, и человек не встретится с Богом.

Аскетика

нашем горячо любимом теле, мы слышаны, что оно нам - враг, поэтому, думают новоначальные, его надо умертвить. Как? Не есть, чтобы его заморить, не мыть, чтобы мы забыли, что мы от рода человеческого и т.д. Так превратно понимаются слова Евангелия: *дух бодр, плоть же немощна.*

Но сродни ли немощи плоти – дряблость лентяя? Нет, конечно! Тогда отринем лень, и не будем прятаться за непродуманные

предположения. Мы действительно лишаем себя той огромной работы, которой ждет от нас Творец, вложивший и в тело возможность способствовать возрождению души.

К сожалению, мало известно, как удавалось подвижникам выстраивать стройную иерархию духа, души и тела. Каким путем они шли в овладении силами тела? Мы почти перед чистым листом бумаги. Византия много богословствовала о Боге, Едином в Существо и Трех Ипостасях, о важности и непостижимости догмата о Пресвятой Троице, о свойствах существа Божия и т.д. Но о человеке и его природе известно мало. Египетское монашество в его расцвете наметило путь познания, но и он, к сожалению, был прерван...

Несомненно, пост и воздержание помогали придти к чувству меры. Они могут помочь и сейчас, только при «духе сокрушенном», конечно. А дальше? Труд физический? По свидетельству Святых Отцов, он «очищает сердце». Но современный образ жизни на это не рассчитан. Копать в городе негде, косить нечего. Остается только спорт. Что же, начать заниматься ушу или самбо?

В монастырях есть возможность и трудиться, и поститься. Есть возможность сдвигать инертность тела. Мы боремся с неподвижностью, чтобы в молодые годы нас не возили в коляске для инвалидов, но не стремимся к совершенству спортсменов. Нам важно понимать, что нам дано и как «быть в форме».

Теперь нам не подчиняется ни тело, ни

чувства, ни мысли. Если мы не начнем утруждать тело, заснет и наш ум. Вот почему такими скучными и однообразными бывают некоторые попытки вразумить заблуждающихся. Пришли в Православие и, начитавшись о подвижниках, заснули! Кажется, все знаем. И обывательская трясина затягивает задыхающуюся душу в свои вязкие объятия. И множество знаний остаются только теорией. Ум бодрствует, но сердце и тело спят! Тогда начинает засыпать и наш ум, и уже перестает верить мысли Божией, потому что она – юродство, она – живая и нестандартная, и для восприятия ее нужно мужество и отрешенность от себя.

Или другая крайность. Попали в гордость ума, который с жестокостью хищника готов разорвать мешающие его первенству жалкие чувства.

Или же чувства, озверев, показывают уму такой кулак, от которого он съезживается и забывает, что и он ответствен за все происходящее. Конца нет всем комбинациям. Но где же путь к разумному взаимодействию?

Именно создание условий для развития души и тела, что и должно венчаться открытием «ока духа», - одна из задач монастырской жизни.

Древним монастырям это удавалось. И сейчас есть попытки. И одно из важнейших средств достижения не просто знания, а бытия в духе Божиим – послушание! Оно способно сорвать маску с лица. Попробуйте все время делать то, чего вам не хочется. Какой звук издаст ваша душа?

То же происходит и с нами.

Жаль, что из-за разрухи и многозаботливости, мы начинаем гнать строительные работы, которым не видно конца, и духовные задачи отходят на второй план. Хочется быстрее все закончить и вздохнуть. Но это очередной обман.

Послушание – это не просто раздача необходимой работы. Это испытание, обнаружение и «разоружение». Это способ `видения сестер. Кто-то способен «слышать», а кто и просто настаивает на своём, перебивая всех. С чего начать?

В начале пути особенно трудно победить навязчивость «чужих» мыслей. Но выход есть. Утруждение, уставание, через которые смягчается сердце и начинает плакать, также ставят тело, чувства и ум в рабочий порядок. Именно «удар» по телу помогает разбудить неподвижность души, или в покаянии, когда особенно тяжелые нагрузки, или в размышлении, когда открывается внутреннему взору то, мимо чего раньше проходил, не замечая.

Без трудов души и тела «око духа» не откроется. И это незабываемый мотив всей нашей жизни. И какая же трагедия развертывается, если мы ошибаемся и отвергаем наработанный Святыми Отцами опыт...

Небольшое отступление. Трагедия

Оля сразу была упрямой. С первых дней жизни в монастыре дичилась других сестер. Мы думали, что это от излишней серьезности: отец

– генерал, мать – детский врач, интеллигентная семья. Оказалось, совсем другое, просто - невероятное упрямство.

Отец был недоволен ее увлечением «Богом» и не одобрял ухода в монастырь. Но она настаивала, и он подчинился. А потом расположился. Видимо, поверил. Мы обвенчали Олиных родителей, брата крестили, и, что удивительно, произошло это радостное событие в день моего рождения, но не запланировано, а как-то случайно.

Затем игуменство в небольшом монастыре. Никто не хотел ехать, а она как-то сразу согласилась: «Я так и думала, что мне надо быть игуменией». И в этом быстром согласии мы не увидели опасности, пока, наконец, трагедия не разыгралась во всем масштабе, но уже через несколько лет.

Звонок из епархии и благословение срочно ехать в ее монастырь, где нас ожидали другие члены комиссии, собравшиеся по чрезвычайному событию. На душе беспокойно, но когда мы приехали в этот монастырь, то, можно сказать, просто упали, упали духом...

И холодный воющий ветер, как предвестник беды, и замки на воротах, вывешенные перед нашим приездом, как для чужих, и вышедшая с брезгливым взглядом на нас. Как? Мы же были у истоков этого монастыря, мыли, чистили, помогали! И вот - печать другой жизни, совсем непонятной, чьей-то злой мыслью воплощенная.

- Где можно руки помыть? – еще, ничего не понимая, спрашиваю.

- На улице, - ответ сродни удару кинжала в сердце.

Так... Еще детали: вновь выстроенный решетчатый забор, отделяющий один храм и сестринский корпус от других храмов монастыря. На нём тоже замок.

- Можно видеть игумению? – и опять тот же, с металлическим оттенком ответ: «Она больна. Что вам надо?»

- Мы хотим с ней поговорить, и не уйдем отсюда, пока не встретимся, - говорит епархиальный секретарь о. Александр (Ганаба), и объясняет уже нам, что игумения написала письмо в епархию: теперь «подчиняться» она никому не будет.

- Надо понять, чего они хотят, а то закроются, да сожгут себя...

Пока мы на морозе потираем руки, разглядываем непривычную обстановку и ожидаем, впуссят ли нас, вдруг особенно остро вспомнилась непростая Олина история, и прямо крик из души разрезал воздух:

- Боже мой! Что мы наделали?..

Три или четыре года назад умер ее отец. Сильно болел перед смертью, рак средостения быстро укорачивал дни, окрашивая их болью и безнадежностью. Его определили в онкологический центр, но там энтузиазма врачей и какой-то осмысленной помощи не было... и отец быстро ушел. Только успели причастить, пособоровать, потом отпели – проводили с надеждой на милосердие Божие. И оно было

явлено и к нам.

После сорокового дня, когда еще не утихли переживания, но не смотря на это, брат продолжал выпивать и начал угрожать матери, снится Оле сон. Отец говорит ей:

- Оля! Убери мое оружие.

Она приехала и рассказала нам. Оружие убрали, отдали его товарищам отца, брат поуспокоился. Прошло несколько месяцев, и Оля... страшно заболевает.

Везем ее в больницу, ставят диагноз, такой же, как у отца: рак средостения. Значит, скоро умрет... Не ожидали...

Приезжаем к бабушке, рассказываем, задыхаясь от волнения, а он так спокойно говорит:

- Господь берет, когда человек готов, в самое лучшее для него время. Скорее всего, ей лучше сейчас умереть.

- Да что Вы, бабушка! Как это, умереть? А монастырь, что с ним будет? Кого игуменией ставить? А потом, она еще молодая.

Что же делать? Вопросы бьют по сердцу, а мысли гудят, как пчелиный улей...

Но если бы мы знали, к чему приведет наше старание! Если бы мы не были так самоуверенны и глупы, не было бы такой беды! Но тогда было только желание спасти от смерти...

Безумные! Читая о смирении, мы и не понимаем, что это такое. Успокаиваем себя, что оно у нас есть, не понимая сути его. Читая о премудрости Божией, мы верим только своей больной голове...

- Ну что ж! – сказал батюшка в ответ на наш напористый вопль. – Если жалко, то молитесь...

Но нам все было невдомек.

Рассказали Валентине Владимировне Терешковой, попросили устроить Олю в Обнинск, в онкологический центр, там лечился Юлий Георгиевич Шапошников, муж Валентины Владимировны, и она всегда с большой теплотой рассказывала о врачах и системе лечения. И мы дерзнули...

Помню, едем уже в больницу. Покачиваясь на заднем сидении, заснула и вижу, видимо, в тонком сне, отца Оли - Геннадия. Он говорит:

- Матушка, отпусти Олю!

- Что?! А кто для Церкви работать будет? - вздрагиваю в явном возмущении, как и мыслить такое можно!

Еще один знак, который мы сметаем в надежде на свою «премудрость».

А дальше – лечение, химия, вылезающие волосы и растерянный взгляд.

- Ничего, - ободряем, еще отрастут.

Потом возвращение в монастырь, молитвы сестер, редкие приезды к нам. И вот уже первые признаки странных изменений. Увлечение Иоанном Грозным. Подозрительность и «вербовка» за моей спиной сестер в почитательницы «святости» Иоанна Грозного.

- Да ты с собой разберись. И то запутаешься! – уговариваю ее.

Но она не слушала.

Кстати, уже много лет спустя, когда к нам приехали в монастырь сотрудники Кремлевского музея, я им пересказала прежде слышанный рассказ, что от останков Иоанна Грозного, которые находятся в храме св. Архистратига Михаила, в Кремле, явно слышатся стоны. Одна из сотрудниц, работавшая именно в этом храме, подтвердила:

- Так вот в чем дело! Место сотрудников музея находится в небольшой комнатке, там же, где и захоронение Иоанна Грозного. Особенно не по себе мне было по четвергам, когда посетителей нет - в музее выходной день. Мы всегда удивлялись каким-то звукам, я, правда, думала, что так жутко, может быть, птицы кричат, но каждый четверг я просто страдала и, в конце концов, уволилась, не смогла больше там работать...

Явный факт, и таких множество, если даже вдруг не заметить самой истории того времени. Но ее несло какой-то волной...

Следующая ступень Олиного отпадения – страх, беспричинный и причинный: зачем нужны документы? Опять объясняем:

- Господь родился во время переписи, и на все века оставил: «Богу Божие, а кесарю кесарево».

Нет, не успокаивается. Какие-то другие внутренние мотивы начали стремительно закручивать в воронку осуждения всех и всего. Когда пытались ее переубедить, она начала

все скрывать, и вот... мы стоим под забором, в недоумении, боли и скорби. Мы здесь чужие.

Когда нас «впустили», в предбаннике ее приемной, три сестры и сама она, картинно выстроившись вдоль стены, как на допросе, ждали вопросов и так же жестко, чужими словами говорили чужие мысли.

Что же случилось? Почему, читая о научных достижениях, мы не приписываем их себе, но понимаем: их составил тот-то или другой. А в духовной практике, стоит прочесть про великие подвиги Святых и поголодать день или два, как в душу входит дерзкое самомнение, что и ты обладатель «золотого ключика» в потаенную дверь духовного ведения. А на самом деле...

- Театр, - подумалось мне, - настоящий театр. И надуманно обращение друг к другу:

- Марья, принеси чаю!

Не мать Мария, а Марья, - как в эпоху Иоанна Грозного. И доказывание собственной праведности, которая возможна только в их жизни, и старание жить по букве, так что невольно вырвалось:

- Оля! Не по букве надо жить, а по духу.

- И по букве тоже! – ликуя, выпалила она новые «заветные слова».

- Оля, ты что, с ума сошла? – разговора с ней тогда не получилось, да, видимо, и не могло получиться. На что они рассчитывали? Обвинить всех, бросить вызов, а дальше?

Решили бороться с мировым злом, но по

ошибке, убили любовь к ближним! И начали с нас, с тех, которые им верили, любили и всегда хотели помочь. Какая-то безумная гордость обручила их с чужими! И с ними оказалось легко убивать.

Методически выстроенные фразы, с чужих слов и мыслей воздвигнутая защитная стена, из-за которой можно плевать газетными штампами, не приняв самого главного в христианстве: обрати огонь на себя, сотвори брань с собой, и, убив зло в себе, увидишь, как помочь другим, не нанеся им смертельных ран. Потом руку подняли на всю Церковь. И вот, «спектакль праведности» - первое действие. Стало жутко.

Мы вышли. За дверью встретили молодого человека, в кожаной куртке, из под нее виден белый воротник, галстук. Мы удивились, вспомнив, как нас не пускали.

- А вы кто? – строго, но немного глупо спрашиваю.

- Прихожанин, - тут ответы готовят, видимо, заранее.

- Идеолог, - подумалось, - ждет, как развернутся события.

В этот же день Оля подписала прошение с просьбой освободить ее от игуменства по болезни.

А я в душе стала поскуливать, как побитая собачонка: может быть, правда болезнь развила в ней этот страх?

Вспомнился один разговор.

- Не надо на перепись ходить, все о нас будет известно, везде нас найдут.

- А нам и прятаться незачем. О нас и так все известно. Мы христиане, и что здесь скрывать? – пытаюсь объяснить, как само собой разумеющееся. Долго мы препирались, но, наконец, как прозрение, поняла:

- Так вы не хотите страдать? Будут гонения, нас посадят в тюрьму, как христиан, а вы, спрятавшись, будете есть хлеб с маслом?

На всю жизнь, как ответ всем страхам, в сердце остались слова блаженной Любушки:

- «Приближаются последние времена? Радуйтесь! Приближается Второе и Славное Пришествие Божие», а значит, радость и надежда, но не искаженно-надуманный страх.

И видимо, не только болезнь, но были и другие причины, которые спровоцировали эти страхования. Возможно, свою роль сыграли и ложно воспринятые уставы монашеской жизни. При постриге монах дает обещание Богу жить в целомудрии, послушании, не стяжании. И на каждом можно споткнуться.

- Скажу: не дыши, и не дыши, - учила одна, желающая стать игуменией, самозванка. Другого слова и не найдешь. Может быть, даже оно и самое точное. Есть званые, кого Господь зовет, избирает и благословляет на ту или иную должность, а лучше сказать, на служение. А есть и те, кто сами себя водворяют на то, что и понести не могут. Нечто подобное в понимании послушания было и у Оли.

- Хорошо здесь сидеть на веранде, пить чай и следить, как все работают на послушании, всех видно, - рассказывала она нашим сестрам.

Я ужаснулась. Разве так решается задача дающего послушание? Сорботать своему послушнику, когда он в послушании совершает подвиг отсечения своей воли, в труде или молитве, это - понятно. Но...

Есть некий соблазн самому дающему послушание, особенно в самом начале. Если кто-либо не слушается, какой гнев зажигается в сердце! И дело здесь не в послушнике, а в собственной гордости. Так незаметно происходит смещение ценностей. Вместо помощи послушнику, «гноение» его неокрепшей души собственным властолюбием.

Оля ушла... Ушла в «непонятное». Во многом мы виноваты перед ней. Осталось перевязать раны и идти дальше, стараясь не делать подобных ошибок.

И мы, сквозь боль души, еще раз увидели: какой же это подвиг – жить в послушании. Жаль, что не хватает верности своим задачам на каждый день! Легко попасть в крайности! Или любовь к своему мнению (гордое самомнение), или подавленность чужим мнением (некое рабство человекам) не дают увидеть царский путь благословенной свободы послушания.

Что же мешает нам вырваться из крайностей и войти в широту осмысления царского пути? Загруженность безымянными переживаниями или интеллектуальными

потугами, так и не разрешающимися в родах?
Дай Бог, вылечиться через послушание, и у
каждого оно – свое...

Послушание

*Христос для того и пришел, чтобы открыть греховность
всякой человеческой прочности и устойчивости, даже в
видении. И как только я почувствую и скажу себе: да, я
достиг некоторого равновесия, стою прочно – я уже пал.*

**Я. Друскин. Лестница Иакова*

Не огорчайтесь, что главу о возрождении
мы начали с трагедии. Когда поставлен
правильно диагноз, есть возможность точно
найти нужные средства для излечения.

И в данном случае мы будем говорить о послушании.

Послушание в монастыре – это не просто квалифицированное выполнение каких-либо дел по хозяйству. Суть в другом. Если взглянуть на послушание со стороны душевных переживаний, которые оно порождает, то послушание в монастыре требует от сестер поступка. И когда тебя дергают с места на место, разрушая самомнение и устойчивость, главное – согласиться:

- Благословите, - так должна отвечать сестра.

А что делается внутри? Обида на того, кто дает послушание:

- А почему так? Зачем? За что? Что, кроме меня, никого нет? - полная растерянность и ложный вывод: все, больше мне здесь нечего делать – меня не ценят...

И все же совесть подталкивает: надо совершить поступок! И как же потом стыдно за свой бунт, и как радостно за его преодоление:

• Да, я слишком доверяю себе, своему эго, самовлюбленному и желчному. И потому дьявол сделал меня тупой, и я не вижу глубины и красоты другого человека, а только ошибки и недостатки. И все мои помыслы – это сгустки черной краски...И где же выход?

Надо совершить поступок. Считаю первым делом прекратить все разговоры с сестрами, с которыми осуждала или болтала всякую дрянь. Если я исполню это, если хватит мужества, то

это будет хоть и незначительный, но поступок.

*Простите, помолитесь.**

**Монахиня монастыря*

В нравственном плане каждое послушание ставит свои задачи. В данном случае победа в том, что сестра осознала свою податливость или чужому мнению, или помыслам от падшего духа, породивших в ней огорчение. Поэтому она решилась на разрыв с этим состоянием, увидев в нем, образно говоря, палки в колесах послушания.

Послушание – это знание своего пути. Я сознательно отдаю себя в послушание. А если я несознательно, как безвольный человек, не умеющий принимать решения, отдаю себя кому-то в послушание, я совершаю преступление.

Во время церковного праздника, когда собирается общецерковный собор, я стала спрашивать, как кто сейчас понимает задачу послушания.

Мне понравился ответ одного настоятеля монастыря:

- В послушании нужно проявить себя. И ты с этой волей приходи ко мне, дающему послушание, и только тогда я смогу научить тебя. Даже в ситуации – старец и послушник. Старец дает послушание. А послушник что, умывает руки? Это старец дал такое послушание, я-то тут при чем? Нет, послушник ответствен за принятое решение (я бы добавила: за выполнение этого решения). Послушник должен принять решение старца как свое решение и нести полную ответственность за

выполнение его. Именно в послушании столько воли. А сегодня понимание послушания – человек без воли, человек ни за что не отвечающий.

Мне хочется добавить еще, что выполнение послушания – это не фальшивое уговаривание себя: и я так думаю... Это попадание в огненную реку, и если мы выбираемся из нее с честью, то какое же это освобождение!

- Конечная задача послушания – вырастить волевого человека, не сумасброда, который будет издеваться над другим человеком, а волевого человека, отвечающего за свои действия и приучающего другого человека отвечать за свои действия. А методы могут быть совершенно разные. Как врач: он лечит не болезни, а человека, и старец не применяет одну схему на каждого человека, а ищет: кому что нужно. И это редкость. В моем понимании, послушник выполняет послушание, и у него растет чувство ответственности. Поэтому послушание – это знание своего пути, и когда человек идет на послушание – это высшее проявление его воли. Это – не деградация, это – не признание его неспособности жить в миру, а это высшее проявление его воли, направленной к постижению воли Божией.

После этих замечательных слов владыки хотелось бы поставить такой вопрос: что же мешает послушанию? Если оно так благотворно, если оно лепит образ разумного мужества, то, что же может разрушить такие благие порывы? *«Гади, ихже несть числа»* (Пс.), да еще в собственном сердце...

Что мешает послушанию?

Если рассмотреть привычные для человечества нормы бытия, то вся психология и само понимание отношений между людьми, между человеком и государством, между человеком и Богом, все было пронизано законничеством и юридизмом.

Христианство вносит другой уклад. Мы имеем в виду только Православие, не говоря в данном случае об особенностях других конфессий.

Но и нам трудно справиться с вросшим в нас законничеством.

Им мы оправдываем себя, им мы требуем справедливости, «всеобщей и всеобъемлющей». Хотя понимаем, что исполнение закона не является критерием истинности состояния духа. Прекрасный пример из Евангелия: притча о мытаре и фарисее.

Но почему же мы всегда ищем возможности поставить галочку в очередной графе требований? А потом боязливо заглядываем в глаза ближних: не осудили ли нас? Не увидели ли в нас того, что там, в глубине, есть на самом деле? И опять тут может помочь послушание.

- Послушание воспитывает смелость.

Ты стараешься все делать ради Бога. Это совершенно новое в нашей жизни. Ради себя – это понятно, ради ближних – тоже с этим можно

согласиться. А ради Бога? Как можно жить ради Бога? В покаянии и благодарности.

И если ты свой труд посвящаешь Богу, делаешь что-либо и добавляешь: «ради Христа», то жизнь наполняется полнотой небесно-земной, таким счастьем природности Христу, что ради этого стоит трудиться!

Особенно трогательно всегда было смотреть на блаженную Любушку. Она брала кусочек хлеба, разламывала его, и говорила Люсе:

- Люся, ради Христа.

- Да, да, Любушка, ради Христа. Кушай.

Послушание ради Христа, это конечно и труд ради себя. Только ради себя глубинного, того, кто войдет в вечность, а не здесь «разтолсте и забы Бога», чтобы именно в себе было, где Христу главу преклонити.

Но тут вырастают такие трудности, с которыми не просто справиться...

• Послушание – это работа над сознанием, освобождение подсознания, раскрытие и осмысление того, что нами руководит, и по Богу ли это состояние? Послушание провоцирует в нас эту работу, оно выбивает нас из успокоенности...

Послушнику помогает собраться молитва, «память Божия» отрывает от липких впечатлений во время работы, но...

Бесконечные переходы из мастерской в мастерскую, из одной кельи в другую, из одного образа жизни на другой могут привести к растерянности доверчивую неподготовленность послушника.

Недаром в молитве Оптинских старцев есть такие слова:

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне настоящий день...

Но есть еще одна опасность, когда послушнику будет мешать другая крайность. Вместо смирения – безответственность, вместо служения – равнодушие.

Говорят послушнику: «надо покрасить лавку», а он молитву читает, презирая делаемое, а в результате и ни молитвы, и ни работы. И таким примерам несть числа...

Но как сочетать в себе несочетаемое?

Как выстроить иерархию ценностей, отдавая каждому своё: Богу – Божие, а делу – благословенное понимание и старание, и собственно «послушание» выполнять так, чтобы реально получать помощь Божию?

Читая эти строки, облегченно вздохнут «мирские»: вот уж нам такие страдания не грозят! Не спешите с выводами. Это путь христианина: найти такое решение, в котором Дух Божий будет с вами. А это не так просто. Молитву Оптинские старцы составили для всех:

Господи, дай мне всецело предаться воле Твоей святой. На всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня. Какие бы я не получил известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все святая воля Твоя. Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами, во всех

непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой...

На пути становления христианского мировоззрения и проникновения его в дыхание жизни, есть много неудачных, даже болезненных состояний. Например, неопитам свойственно крушить свое прошлое и, начиная «строгую» жизнь, по сути, попадать из одного идолослужения в другое. Что до греха, - да! Его надо крушить! А что касается профессиональных навыков? Когда душа успокоится в покаянии, не грех – работать врачом, художником, не «закапывая» свои знания, если ими можно послужить Богу.

Мы стараемся использовать свои творческие способности и навыки, подчиняя их идее служения. Мы стараемся не закапывать таланты, а переключать на другую основу, и в Церкви – вся полнота возможностей. Тогда Устав будет восприниматься не как кандалы «неудобоносимые», а как попутный ветер благодати для спасительного плавания.

И если выполняется сверхзадача - «научиться противостоять своей воле» - и обретается навык послушания, то он и помогает в борьбе со страстями, так совершается большой духовный труд... и рождается воин. И уже легче говорить соблазнам: нет! и просить милосердие Божие: помилуй нас! И восстает воин Христов на свое дело в радости и подвижности своей легкой, обученной к послушанию души. И становится он способным к истинно христианской любви, а не к «амвонной».

Не «амвонная» любовь

Среди общей холодности и равнодушия, при совершенном нежелании людей видеть и чувствовать дальше собственного существа, многим трудно живется. Нужен человек, к которому бы можно было сносить все, ЧТО ВОЛНУЕТСЯ В ДУШЕ, КОТОРОМУ БЫ БЕЗ УТАЙКИ МОЖНО БЫЛО ОТКРЫТЬ ВСЕ ДУМЫ И НАДЕЖДЫ, ДОВЕРИТЬ ВСЯКУЮ ТАЙНУ, ЧТОБЫ СТАЛО ЛЕГЧЕ И СЧАСТЛИВЕЕ. И нужно, чтобы это чувство было разделенное, чтобы за вежливым словом не слышалось удивления тому, что ищут участия... Нужен в жизни сочувственный взор, ласковое слово, нужно сознание, что нас любят и нам верят, нужно то, что в мире самое редкое и самое великое сокровище – сердце внимательное.

Е. Поселянин. Русские подвижники XIX века

- Надоела эта «амвонная» любовь, - возмущается Александр Федорович Черноусов, хирург, спасший бесчисленное множество своих пациентов, до такой степени привыкший не жалеть себя ради других, что в его словах эти обличения звучат, как «гром с неба». Он имеет право!

- Только и говорят о любви к человечеству с амвона, а пожалеть вот этого, конкретного человека, не хотят! Недавно привезли в больницу монахиню. Так уработалась, ведер наносилась в коровнике, а ей уже за шестьдесят лет, руки трясутся, давление шкалит... Ее бы пожалели...

Пожалеть, видимо, мешает и

подозрительность. Трудно верить другому человеку, или не хватает внимания войти в его проблему. Поэтому отмахиваемся: вряд ли она так устала, как говорит. Да и что такое усталость? Все устают:

- Да ничего, скоро послушание кончится...

И только когда у нас появился при монастыре медицинский центр, пришло понимание, что человек «не резиновый», и психика – хрупкая, и верить людям надо.

Так возникает опасность привести сестер не к любви Божией, а к человекоугодию, и как «слепой ведет слепого, и оба падают в яму», лишая и правды, и свободы, так и ложным пониманием послушания можно перечеркнуть весь подвиг монашества. Да помилует нас Бог!

Конечно, легче писать о Святых, потому что

- в них «совершилось» то, ради чего пришел Христос!
- совершилось исцеление самой природы, освятился дух и тело.

Хотя и им также было трудно.

Преподобный Серафим Саровский жил в то время, когда уже терялось внутреннее напряжение жизни монашествующих, все вырождалось во внешнюю форму, и он, как гигант духа, стоял на камне три года, чтобы увидеть, услышать, самому проникнуться огненной силой любви Божией. Преподобный Серафим жил не по букве, а «восходил от силы в силу в Духе Святом». И как неожиданно жизненно его слово.

Оно не лакированное, не льстивое, а прямое и
действенное:

- В зачатие матери Анны и я хочу зачать
обитель, - торжественно и восторженно объявил
святой старец, основатель будущей святой обители.*

**Серафимо-Дивеевская летопись. С. 203.*

А когда одна монахиня, по молодости лет,
говорила батюшке:

- А я возьму да и уйду от вас...

- Нет, отвечает, радость моя, нет тебе дороги
уйти-то: я тебя внутри себя возьму! Ты и не уйдешь,
матушка!

Много лет спустя поняла она слова батюшки: «ведь
всегда я была с ним духом и не могла уже уйти из
обители*».

**Серафимо-Дивеевская летопись. С. 193-194.*

И сейчас, когда мы пытаемся вырваться
из этой, пропитавшей нас среды «тотального
заблуждения», и для нас есть опасность свернуть в
сторону, ошибиться,

дай Бог,

с помощью Святых увидеть, как мы должны
любить Бога и людей.

Перечитывая Е. Поселянина, подумалось,
как удивительно и многообразно он пишет о палитре
христианской любви:

- любить ближних так,
- чтобы желать им всякого счастья,

благословляемого Богом –

• и стараться доставить им это счастье – было
жизнью и дыханием старца Амвросия Оптинского.
И в этом потоке любви, который окутывал всякого,

приходившего к нему, была такая сила, что он чувствовал без слов, без действий.

Вот этот «поток любви в силе Духа» выбит старцем жезлом послушания из скалы каменного сердца помощью Божией.

Можно добавить: неимоверными усилиями и подвигом, потому что дар Божий за безделье не дается.

А сейчас монашество обвиняют в том, что мы бездельники, что мы, якобы, убегаем от трудностей семейной жизни. Значит, уходим в монастырь из-за эгоизма, чтобы нам меньше досталось другим служить: «помилуй мя Боже, на боку лежа!»

Ну, мыслимо ли? Может быть, многим кажется, что время Святых безвозвратно растворилось в веках, но мы с этим не согласимся. И сейчас есть Божии люди, и Святые помогают нам и нашим друзьям. Да еще как!

Вспомнилась давняя мечта написать о любви христианской, той, которой наполнены были Святые и старцы, той, которая способна поднять и направить, наполнить и вдохновить, передвинуть горы и... изменить всю твою жизнь.

Пока я так мечтала, встретила подобные строки о старце Амвросии Оптинском. Замечательно в них то, что они содержат как бы «программу» любви. В них можно увидеть отправную точку и развитие, всю радугу светлого чувства христианской любви.

О любви Христовой

В небольшой келье, на низенькой кровати, иногда сидя, иногда полулежа от постоянного недомогания, принимал старец всех, выслушивая скорби и печали, беды и просьбы. И каждый знал, что

• «в эти минуты старец весь вошел в его жизнь и заботится о нем больше, чем он сам. А могло быть так потому, что свое собственное существо отец Амвросий

- позабыл,
- оставил,
- стряхнул с себя,
- отрекся от него
- и на место этого изгнанного я

поставил своего ближнего

• и перенес на него, но в сильнейшей степени, всю ту нежность, которую люди тратят на себя».*

**Е. Поселянин. Русские подвижники XIX века. Историко-биографические очерки. Часть вторая. С.-П. Издание П.П. Сойкина.*

Стр. 23

Почему же у нас не получается? Потому что мы не умеем любить? Как можно «стряхнуть», «позабыть», «оставить» то, что, казалось бы, приросло к тебе? Свое собственное существо, свое я, и для чего?

Здесь открывается какая-то тайна любви христианской, которая не может раскрыться

в отчуждении эгоизма, а только в сердце, действующем *из себя* для *других*.

Святые смогли скинуть с себя эгоизм, и в них родилось удивление каждому человеку как образу Божию. Через ближнего раскрывался мир, который потенциально содержит в себе много больше, чем холод самолюбия. И Святые чувствовали руку Божию в жизни каждого и залечивали их раны, обретя путь к их сердцу любовью к ним.

- «К отцу Амвросию довольно было подойти, чтобы почувствовать, как сильно он любит, и, вместе с этим, в ответ на его чувство
 - открывалось сердце приходившего,
 - рождалось полное доверие
 - и самая тесная близость.
- Каким образом возникали такие отношения – это тайна отца Амвросия».*

**Е. Поселянин. Русские подвижники XIX века. Историко-биографические очерки. Часть вторая. С.-П. Издание П.П. Сойкина. Стр. 23*

Это тайна сотворчества человека и Бога, обозначаемая кратким словом «любовь», и была той, которую заповедал своим ученикам Христос. Она наполняла старца Амвросия, чуткая и сильная, побеждающая и непобедимая. Она многим отличается от того чувства, которое известно в миру.

- В ней не менее поэзии,
- она такая же трогательная,

НО

- она шире,

- чище и
- не имеет конца.

Бескрайность глубокого чувства, или лучше, благодать Божия, формирует чувство христианской любви.

Главное отличие от мирской любви: она (любовь во Христе)

- все дает и ничего не просит.

В тот час, когда она нужна, она

• сотворит величайшие подвиги самопожертвования,

• а потом молча отойдет, как только горе смягчилось, туда, где новое горе.

Апостол Павел сказал:

- *Любовь не ищет своего*, т.е.

принадлежащего ей по праву, например, доверия, воспоминания. Так было и со старцем...

• «Он бесконечно любил всякого к нему приходившего,

- давал ему от себя все, что мог,

• а о себе не думал. Ему, кажется, и на мысль не приходило, что он делает нечто такое, за что бы можно быть благодарным».*

*Е. Поселянин. Русские подвижники XIX века. Историко-биографические очерки. Часть вторая. С.-П. Издание П.П. Сойкина. Стр. 23

Наверное, это очень трудно не ждать благодарности, внимания или какого-то ответного чувства. Потому что основа радости любви, сознание, что нас помнят... и благодарны нашим подвигам во имя других. Так нам раньше казалось.

Но удивительна любовь Святых. Она полна не впечатлениями «от земли», а чем-то другим, какой-то святой полнотой, из какого-то другого источника, она не только от человека, она и от Бога. У нее совсем другое качество. Она – не для себя, она – для них.

А мы страдаем оттого, что любим для себя, поэтому и любовь наша бесплодна.

Недавно одна наша знакомая попала в аварию. Сотрясение мозга, сильный удар и, в результате, каждый вздох с болью... Замечательная актриса, жизнерадостная и необыкновенно добрая, как и все знаменитости, окружена множеством почитательниц. Одна из них, ворвавшись в больницу и увидев измученное лицо Лены, начала истерично биться в конвульсиях от «сострадания». Накричавшись и нарыдавшись, от переполнивших ее чувств, она хлопнула дверь и ушла, уставшая.

Врач изумленно смотрела на это «представление»: и действительно, как красиво она закидывала голову, заламывала руки, вскрикивала - совсем «артистично», можно было просто похлопать! Но зачем же ты «играешь», когда другому плохо? – был немой вопрос врача, и она просто спросила:

- Леночка, Вам дать что-нибудь попить? Может, чайку?

Леночка радостно кивнула головой...

Наш Старец

В миру любят людей, потому что они полезны или приятны, любят для себя, а старец Амвросий любил потому, что они страдают, потому что они грешны, противны людям, любил для них.

Е.Поселянин

В монастыре прокладывается наш опыт любви к ближнему, неожиданный для нас, но необходимый... И конечно правомерен вопрос: а вы, сегодняшние христиане, хоть на что-то доброе способны?

Про себя мы ничего доброго сказать пока не сможем, но о батюшке, нашем дорогом батюшке, отце Науме, есть что вспомнить у многих.

Если вы увидите шелковые рясы и шелестящие разговоры, знайте, эти монастыри не знают старца. В батюшкиных монастырях все просто, с предельно напряженным ритмом жизни, воспаленными глазами от недосыпания, утружденными руками от постоянных «прорывов», и непрерывной Иисусовой молитвой, выдающей себя в почти невидимом движении лица.

Во время послушания еще и заучивание текстов Псалтири или Евангелия наизусть, чем древние монастыри славились несомненно, а мы пробиваем свое беспамятство мелодичным ритмом Священного Писания, пытаюсь запомнить и заронить в свое сердце «зерно горчичное».

Но не на пустом месте начиналось

созидание монастырей. На обломках. Большой мир, изгоняемый из остатков зданий, отчаянной рукой писал огромными буквами на стенах монастыря: **МЫ СЮДА ЕЩЕ ВЕРНЕМСЯ!** И все наши страхи успокаивал батюшка: ничего, они просто не знают, что у них есть душа. Им надо рассказать, что есть Бог, вечность...

Так мы начали восстанавливать жизнь монастыря, и видим, как восстает буквально «из пепла» наших разоренных душ столь великолепное Божие строение, как церковная жизнь. И вот какие впечатления собираются на этом пути.

В первый или второй год нашего переселения, когда нам освободили несколько комнаток в жилом доме, откуда еще не выехали жильцы, монастырь решила посетить благочинная Рижского монастыря, почтенная монахиня Н.

Замечательный Свято-Троице-Сергиев монастырь, который никогда не закрывался и имел свои традиции и историю, был для нас неким недостижимым образцом монашества. И вдруг, в нашу разруху и неустроенность, едет благочинная монастыря! А основной задачей благочинной является сохранение благого «чина», т.е. соответствия служения сестер своему «чину». Мы несказанно разволновались. Боялись полного «провала». Но даже предположить не могли, какой это будет «провал»!

Когда мы встретили добрую матушку и повели по дорожке от храма к трапезной, тут развернулась такая битва «обломков

разрушающегося мира» против надвигающегося благочиния, что испарина покрыла наши лбы.

Из-под кустов вылез полураздетый, еще не совсем протрезвевший наш жилец, и, помахивая ножом, в удивлении прицелился: «быть нам или не быть?» Сестра, сопровождавшая нас, повернулась к нему и прошипела, чтобы добрая монахиня не слышала: «Сгинь!» Ее твердая решимость была столь убедительна, что «вершитель судеб», не сопротивляясь, полез опять в кусты, досыпать. С трудом перевели дух, но атмосфера накалялась.

Поравнялись со старым сараем, и осталось всего несколько шагов до «недосягаемой» трапезной, как вдруг страшный голос из сарая заорал песню из какого-то кинофильма, и через разобранную крышу в нас полетели брошенные с яростью какие-то предметы. Летели банки, кастрюли, болты и прочие ржавые детали, которые мы усердно собирали по всей территории монастыря после отъезда большей части прежних обитателей.

Мы все поняли! Как бы нам ни хотелось порадовать привыкшую к благочинию матушку, что мы уже хоть что-то сделали, но правде надо смотреть в глаза!

Это буйство было делом рук уже вновь прибывшей паломницы. Скромная девушка 17-ти лет, привезенная своей мамой для изучения церковного пения, оказалась одержимой. И разные голоса, которые кричали из нее, и дикая необузданная сила, с которой она швыряла что попадется под руку со второго этажа,

свидетельствовали об одном:

- в ней действует тот дух, который так же мечтает разрушить весь мир. Это падший дух.

Так обозначилась еще одна задача монастырской жизни - служить тому преображению, которое может совершиться, и должно совершиться в монастыре, из безумной и униженной действием падшего духа души в разумную и благодарную Богу.

«Обломки» пьянства и беснования, эти остатки безбожного мира, и будут исторгаться из заброшенного архитектурного комплекса некогда славного Коломенского Кремля, для созидания новой культуры церковной жизни. И только тогда приходящие пораженными и измученными смогут восстать обновленными и сильными во Христе.

И это опять путь восстановления рода, возвращение его к матери Церкви. Мы вызвали маму нашей юной паломницы и посоветовали поехать к бабушке. После исповеди самой матери, дочери стало легче, она смогла вернуться к своему сознанию, и, обновленные, к воцерковлению они шли уже с мамой вместе.

А вот другой случай из практики старца.

В приемную, где я топталась в ожидании разрешения своих вопросов, вошла деревенская худая женщина в платке и с каким-то смазанным взглядом. Немного постояв, а бабушка, видимо, ее хорошо знал, она начала рычать и мотать головой. Она была одержимой. Грубым и не своим голосом, страдая от этого насилия, она закричала:

- Выгони меня отсюда! Надоела она мне,

все по храмам таскается...

Батюшка некоторое время не обращал внимания, а потом спокойно и кротко спросил:

- А куда ты пойдешь?

- В другую залезу, - с рычанием вещал через нее дух.

Немного подумав, батюшка тихо сказал:

- Да нет, оставайся, где был!

- Батюшка, - заплакала уже пришедшая в себя женщина, - измучилась, помощи, все кричит и кричит во мне...

- Ничего, борись...

С каким рассуждением батюшка ищет, что для человека полезно, а ведь казалось бы, ждешь от священника такой реакции: «выходи, падший дух, изыди...»

А в другой раз придешь, когда туманные мысли замучают, батюшка постучит по голове, их как и не было. Но самое удивительное, что батюшке дорог каждый! Как хватает сил всех не только выслушать, но и войти в проблему, и найти выход!

Битком забитая лесенка, ведущая к небольшой пристройке, к концу приема, когда уже становится явным, что не все успеют, напоминает скорее атомный реактор, который вот-вот взорвется.

- Оставайтесь на завтра, приходите пораньше! – пробирается к выходу батюшка, а к нему тянутся руки, сующие записки, как последнюю надежду на то, что батюшка только прочтет и все изменится.

- Да я бы и недели не выдержала такой жизни, - ворчит пожилая женщина, прождавшая с утра до конца приема и так и не попавшая! Потное лицо, растрепанные волосы из-под платка как результат штурма сплошь утрамбованной народом лестницы, но она еще хранит в себе печать надежды на «завтра».

А сегодня батюшка уже спешит по Уставу монастыря на братский обед, затем на вечернее Богослужение и до поздней ночи чтение писем и записок, чтобы краткий сон прервали четыре будильника, расставленные вдоль то ли кровати, то ли кресла. И начавшееся рано «завтра» после Братского Молебна опять соберет множество народа. . . Мне раньше казалось: зачем такому старцу жить

как новонаначальному и строго соблюдать
Устав монастыря? Но батюшка всегда жил
в ритме благословенного порядка,
и только когда открылся наш монастырь,
я поняла необходимость
и великую пользу
Устава.

